

«...И будь заодно с гением»

Творцу в России опасно жить долго

В день открытия 30-го театрального сезона в московском Театре на Таганке состоялся «сбор труппы» — старая театральная шутка-ухмылка по поводу традиционного сбора труппы на сей раз была столь злобная, что ее старались вслух не произносить.

Партер Старой сцены был почти полон. Горели софиты, включенные теле-репортеры, журналисты пристроились на коленях блокноты и вытянули руки с диктофонами. Хотя вряд ли им пригодились их записки: президентом, как теперь принято выражаться, лишь озвучил письмо Юрия Любимова и заявление актеров о том, что «театра Любимова в России отныне нет», опубликованное в «Московских новостях».

Добросовестность театрального хроникера заставляла запоминать подробности. Ведь как ни относиться и случившемуся, сам момент был по-своему историческим.

Мрачно-озабоченные лица, приглушенные голоса, суховатая деловитость организаторов; в режиссуре одно сквозное действие — не допустить пауз, не дать сорваться скандалу, истерике, которые разрушат ритуальную церемонию.

Взгляд невольно упирался в сцену, на которой стояли чьи-то чужие декорации — пока случайных арендаторов. Легко было представить, что вскоре... Меньше всего хотелось засыпать в будущее. Чего не было — так это пафоса. Того самого гражданского пафоса, привычного и естественного в этих стенах. Словно воздух вышел. Не было и многочисленных друзей театра, любивших его шумные премьеры, бдения в кабинете главного в кругу избранных. Казалось, только одна лепешка из ушедших в этот день в забытые спектакли могла бы прозвучать без фальши в этой атмосфере: «Бароном больше, бароном меньше — какая разница».

В «Обращении актеров Театра на Таганке» есть такие слова: «Это убийство произошло при активном участии городских властей [Моссовет, Москоммунхоз], при равнодушном попустительстве общественности и, увы, при молчаливом и невмешательстве творческой интеллигенции». Не знаю, правильно ли выбраны слова — «равнодушное попустительство». «молчанье», «невмешательство»? Они что-то значили и были точны тогда, когда внятна была граница между «оним» и «мы». И Театр на Таганке был из тех, кто много лет подряд испускал нейтральную полосу, а мы бросали на нее цветы необычайной красоты. Но разве нынешние таганковские раскольники и их союзники не есть сами общественность и творческая интеллигенция!

Сегодняшние моралисты что ни день повторяют шекспировскую строку: «Чужа на оба ваши дома» — и каждый раз искренне хочется узнать, где же сами они в этот момент находятся в своих непомятых и незапятнанных одеждах.

Негде-то неукоснительно считалось, что творцу в России надо жить долго; теперь, похоже, это опасно. Ведь пат-

риарха должна играть санта из благодарного потомства.

Кто-то скажет (и говорит), что рад бы, да нет претендентов на это почтенное звание. И тут позволите разойтись со всеми, кто с упоением подсчитывает грехи и долги Любимова, кто обсуждает его проступки и личную жизнь, кто смакует брошенные им в гнев фразы, подозревает в меркантильности, выдает поступки за ходы в просчитанной игре и завершает свои «разборки» привычными рассуждениями о справедливости и равенстве.

30 лет назад Юрий Петрович Любимов основал в Москве Театр — тем и знаменит. Точка. Театр, который... в котором... Далее напишут мемуаристы и историки.

«Остать любопытство толпе и будь заодно с гением», — советовал в письме другу любимый актер и персонаж Театра на Таганке А. С. Пушкин. Желание вместе с нами склонить голову в скорбную минуту кончины выдающегося русского Театра могут выйти из толпы.

Мария СЕДЫХ

